

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА УЧЕНОГО

С.Г. Ильинская

Четыре аргумента в пользу терпимости

У настоящего материала есть сразу два информационных повода. Первый, и самый главный – в сентябре 2008 г. исполнилось 50 лет яркому российскому интеллектуалу, ведущему научному сотруднику Института философии РАН Владимиру Сергеевичу Малахову. Второй повод, не такой очевидный: ряд действий российского руководства (в частности, политика по отношению к Южной Осетии) недвусмысленно подтверждает, что к высших эшелонах власти прислушиваются к рекомендациям ученых; в частности, приносит свои плоды. Многолетняя творческая активность Владимира Сергеевича в отечественном политическом дискурсе этноцентризм все больше уступает свои позиции в пользу гражданственности – пусть даже пока по формальным признакам. Когда на уровне официальной риторики и политической практики люди с российскими паспортами воспринимаются в качестве сограждан, которых необходимо защищать всей мощью военной силы государства – это, знаете ли, весьма симптоматично.

В конце 1990-х гг. на отечественном интеллектуальном небосклоне проявил себя яркий автор, пишущий на темы национализма, расизма, этничности, миграции и культурного плюрализма. Нельзя сказать, что он был одинок (у него имелись единомышленники – В.Тишков, А.Осипов, В.Коротеева и др., а впоследствии возникли и последователи, в их числе – автор настоящего материала), однако по яркости изложения мало кто мог сравниться с Малаховым. В научной среде появился интеллектуал, который имел

ряд качеств, свойственных в большей степени западному, нежели российскому учёному. Свои научные штудии исследователь нередко облачал в форму актуальной эссеистики, в которой эрудиция сочеталась с глубиной анализа, а методологическая последовательность – с доступностью изложения, лаконичность – с насыщенностью текста. Статьям Владимира Малахова присуща чёткая логика и предельная ясность мысли, характерная для академических текстов; вместе с тем, он не боится неконвенциональных терминов, характерных для публицистики, не стремился писать «научно», намеренно использовать казуистический язык. Терминология в его материалах всегда исключительно уместна.

Порой превращаясь из специалиста по западной философии в борца с расизмом и этноцентризмом, Владимир Сергеевич продемонстрировал исключительную плодовитость и на новом поприще: мне удалось насчитать около полусотни его статей, вышедших на эту тему за последние годы, и четыре монографии.

О монографиях стоит сказать отдельно. Две из них – это сборники статей Малахова («Скромное обаяние расизма», «Понаехали тут...»). Хочется сказать большое спасибо «Дому интеллектуальной книги» и Федеральному Агентству по печати и массовым коммуникациям, благодаря которым собранные на страницах этих изданий актуальнейшие материалы не затеряны в ворохе вчерашней периодики, а бережно систематизированы и сохранены для новых поколений читателей. Две другие – монографии «Национализм как политическая идеология» и «Государство в условиях глобализации» – разработаны на базе читаемых В.Малаховым курсов лекций в магистратуре Московской высшей школы социальных и экономических наук и рекомендованы Научно-методическим советом по политологии Министерства образования и науки РФ в качестве учебных пособий для студентов вузов. Последнее обстоятельство является крайне обнадеживающим. С моей точки зрения, эти два учебника должны стать настольными книгами не только для студентов, но, прежде всего, для российских преподавателей политологии и мировой политики. Среди последних по-прежнему не редок эссенциалистски-примордиальный способ трактовки феномена этнической и национальной культуры, благодаря чему даже специалисты-политологи продолжают объяснять социальные явления этническим происхождением, трактуя

его как биологический феномен, врождённое качество. В этой связи В.С.Малаховым было внедрено в российскую научную лексику понятие «этноцентризм», существенно отличающееся от того, который принят в англоязычной литературе, где он, по сути, означает ксенофобию или, более мягко, «позицию, привилегирующую определённую этническую группу по отношению к другим». Этноцентризм по Малахову – это такой способ мыслить и действовать, при котором этничность становится главным мотивом, главной побудительной силой, наделяется «универсальной объяснительной функцией». Наивный примордиализм советской этнографии неактуален в условиях подвижности культурных самоидентификаций и прозрачности государственных границ, – утверждает Малахов. Благодаря усилиям автора и его единомышленников эссенциализм этого толка постепенно преодолевается, хотя бы в рамках научного сообщества. Но на бытовом и даже уровне государственного управления сталинское определение нации до сих пор практически ни у кого не вызывает сомнений (да и многие кафедры воспроизводят аспирантов с аналогичной системой взглядов – достаточно просмотреть авторефераты, которые приходят по рассылке в наш диссертационный совет). Взятые со страниц советских учебников, а также ряда социальных практик (графа «национальность» в советском паспорте и биологический расизм принципа её определения – «по крови» одного из родителей), это понимание постоянно воспроизводится, впитывается новыми поколениями уже несветских людей. «Народ», «нация» населением России воспринимается не как демос, сообщество граждан, а как этнос, сообщество соплеменников.

Даже отмена «пятой графы» в российском паспорте немного изменила в восприятии феномена этничности. «Национальность» российские граждане теперь могут по желанию указывать в свидетельствах о браке или о рождении своих детей. Правда, для заполнения данной графы им необходимо представить в органы ЗАГС... документ, подтверждающий «национальность», т.е. прежнее, ещё советское, свидетельство о рождении, где обозначено этническое происхождение их родителей.

Старательно выявляя сублимированный расизм в стереотипах мышления, Малахов разоблачает социальную природу тех явлений, которые по привычке осмысляются в культурных категориях.

Яростный противник так называемого «русского проекта» в качестве варианта формирования единой российской гражданской нации, Малахов протестует и против альтернативы ему – множества культурных проектов, реализуемых, в частности, через этнические школы. В школе, считает Малахов, необходимо воспитывать не представителей армянского или татарского этноса, а российских граждан. Самое пристальное внимание Владимир Сергеевич уделяет принципам солидарности и вообще предлагает уйти в академической среде от многих категорий, которые, с его точки зрения, нередко затемняют существо анализируемой проблемы («нация», «межэтнические конфликты» и пр.). Что естественно: как всякий яркий интеллигент и борец за идею, Малахов должен быть чуть более радикальным, чем подобает учёному – тем более что бороться ему приходится с системой взглядов, фундаментально обоснованной не только в научной (академиком Бромлеем), но и публицистической (Львом Гумилёвым) литературе. Однако справедливости ради должна заметить, что Малахов достаточно объективен. И в качестве дружественной критики в его адрес можно высказать лишь пару некатегоричных замечаний, которые имеют отношение к эссеистике, но не к научным статьям и учебно-методическим разработкам, в которых автор безупречен.

Первое замечание касается символической представленности «других» на экранах телевизоров стран «победившего мультикультурализма», исключительно позитивно воспринимаемой Малаховым. Его западные коллеги на этот счёт возражают в том смысле, что роль электронных СМИ «там» скорее негативная, формирующая образ «Другого», поскольку представители меньшинств транслируются, в основном, в связи с криминальными или чрезвычайными событиями, произошедшими на территории сообщества, а это формирует по отношению к ним соответствующий негативный образ. К тому же «у них» на телевидении отсутствует восприятие меньшинств как коммуникаторов. Среди владельцев и руководства каналов число представителей меньшинств столь ничтожно мало, что их альтернативная точка зрения по-прежнему не слышна. В блоках новостей и телепередачах культурно-плюральных стран меньшинства предстают в роли объектов, а не субъектов¹.

¹ См.: *Addis A. On Human Diversity and Limits of Toleration // Ethnicity and Group Rights / Ed. by Ian Shapiro & Will Kymlicka. N. Y.–L., 1997. P. 129–130.*

Второе замечание относится к последним материалам В.Малахова, имеющим отношение к восприятию феномена этничности (в частности, статье «Этничность в Большом городе»²). В ней автор верно подмечает не востребованность традиционных российских этнических брендов (вроде тувинского горлового пения) на отечественной почве, в отличие, например, от западной фолк-музыки, но обходит стороной анализ причин того, что «африканцев и латиноамериканцев явно предпочитают выходцам из Удмуртии, Татарстана, Якутии или Тувы». Между тем, одна из этих причин, с нашей точки зрения, буквально лежит на поверхности. Исследователь, постоянно обращающий внимание на наложение этнических границ на социальные противоречия как фактор потенциальной конфликтности, «недоглядел», что наша этническая музыка потому и интересна на Западе, что там она – экзотика, не подкреплённая политическими претензиями. Равно как и для россиян чужеземные фолк-бренды не ассоциируются с сепаратистскими настроениями, культурным предпринимательством и т.п. негативными тенденциями.

Думаю, что подобно многим российским интеллектуалам, много работавшим за границей, Владимир Сергеевич чуть менее объективен в том, что касается «Их», и чуть более предвзят в отношении «Наших», что в целом – простительно, поскольку этого с неизбежностью требует пропагандистский пафос, который постепенно начинает приносить плоды не только на уровне академических дискуссий, но и в плоскости принятия политических решений. Четыре монографии В.Малахова, изданные за последние годы, стали четырьмя вескими аргументами в пользу трансформации российского общества в направлении «*Tolerant society*». Гораздо более вескими, нежели многие диссертации на данную тему и специальные правительственные программы.

² Неприкосновенный запас. 2007. № 1(51) < <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ma19.html> >.